

РЕФЕРАТИ

УДК 327.36

Александр Сыч

По следам незаконченной полемики

Вниманию читателей предлагается реферативный перевод статьи одного из наиболее известных и уважаемых американских политологов современности, профессора Гарвардского университета Сэмюэла Хантингтона, которая была напечатана почти 15 лет назад. Естественно возникает вопрос: зачем это делать с таким опозданием? Сделано это, исходя из следующих соображений.

Во-первых, предложенная им в своё время концепция имела такой резонанс, что теперь упоминается почти во всех учебниках по политологии, международным отношениям, современной истории. Статья, о которой идёт речь, была написана Хантингтоном, так сказать, «по горячим следам» многочисленных откликов на его предыдущую статью «*Столкновение цивилизаций?*», опубликованную в солидном американском журнале «Форин Аффэйрс» в 1993 г., где он изложил основные идеи своей концепции о главном источнике конфликтов в период после окончания «холодной войны»¹. Содержание второй его статьи «*Если не цивилизации, то что? Парадигмы мира после «холодной войны»*» является как бы продолжением и одновременно дополнением первой; она помогает лучше понять «творческую лабораторию» учёного, который во время полемики, развернувшейся относительно главных положений его концепции, ещё раз уточнял свои взгляды, подбирал новые аргументы, усиливал их доказательность, что, в конце концов, и стало основой его книги, которая увидела свет в 1996 г. почти под тем же названием². А полемика эта велась, да, собственно говоря, продолжается и сегодня с адептами концепции «конца Истории» другого американского политолога Фр. Фукуямы.

Во-вторых, за период, прошедший после появления его статьи «*Столкновение цивилизаций*», мы стали свидетелями событий, явлений, процессов, которые подтвердили правильность многих предвидений американского учёного относительно нарастания межцивилизационных конфликтов в современном мире (вспомнить хотя бы террористический акт против США 11 сентября 2001 г. или недавние волнения с «этнической окраской» во Франции). А прокатившаяся в 2005 г. в мусульманском мире волна возмущения, вызванная публикацией в датской газете оскорбительных

© Сыч А., 2007

¹ Автор данной публикации в своё время ознакомил украинских читателей с содержанием этой, теперь уже хорошо известной, статьи С. Хантингтона (См.: Сыч О. І. Конфлікт цивілізацій: нова небезпека чи відродження старого протиборства? // Філософська і соціологічна думка. – 1996. – № 1 - 2. – С. 3-8; Хантінгтон С. Зіткнення цивілізацій? // Там само. - СС. 9 – 29).

² Huntington S. The Clash of Civilization and the Remaking of World Order. – N. Y., 1996.

для последователей исламской религии карикатур? На этот раз, по мнению мусульман разных стран (от Малайзии до Марокко), западная цивилизация нанесла удар по самим основам «исламской цивилизации», по тому, что объединяет всех мусульман – независимо от территорий, экономик, политических систем. Но все они объединились, ибо западная свобода слова ударила в самое сердце мусульманской веры. Известный российский политолог А. Пушкин справедливо заметил: «Западу было выгодней взять пример с Ватикана, который занял мудрую позицию: свобода слова не означает свободу оскорблений иной веры. Но нет – лидеры Евросоюза заявили о сожалении, что карикатуры вызвали такую реакцию, но принялись с пеной у рта отстаивать принципы свободы слова. Вот это и есть столкновение цивилизаций, разных духовных начал»².

И хотя Запад продолжает навязывать свою идеологию всему миру, но во многих государствах усиливается противодействие экспансии западных ценностей, осуществляемой под прикрытием процесса глобализации, возникают свои идеологии, приходят лидеры другого типа, например, как в Бразилии или Венесуэле, где главами стран стали индейцы. По мнению того же Пушкина, «... глобализация не сумела – и ещё долго не сможет – переварить различия в идеологиях, исторических наследиях, культурах, которые порой, как мы видели недавно, ведут к прямому конфликту цивилизаций. В XXI веке мы ещё больше продвинемся по этому пути. И общественное внимание развернулось от глобализационных процессов к не менее глубоким идейно-культурным разломам»³. В сфере духовности, идеологии, культуры мы видим не унификацию, а наоборот – сохранение разнообразия, а то и усиление размежевания.

В-третьих, некоторые исследователи, анализируя обострение политической борьбы в Украине во время президентских выборов 2004 г., не без оснований говорят о «цивилизационном разломе», который произошёл, а точнее, проявился в их результате в нашей стране. Кстати, заметим, что и Хантингтон упоминал Украину в качестве примера ментально расколотого общества, через которое пролегла линия двух цивилизационных миров: католическо-протестантского (под влиянием которого находится Западная и частично Центральная Украина) и славянско-православного (в орбите которого оказалась Восточная и Южная Украина). Но, кажется, наши горе-политики сыгнорировали этот момент (если, конечно, вообще были знакомы с его взглядами) и готовы наступить на те же самые грабли.

Думается, статья С. Хантингтона не утратила своей ценности и в наше время, а потому будет полезна – как своего рода «информация к размышлению» – всем, кого волнуют непростые проблемы нашего времени.

² Интервью Алексея Пушкина Владимиру Устинову (Литературная газета. – 19 – 25 апреля 2006 г. - № 16. – с. 3.

³ Там же.

Huntington S.P. If Not Civilizations, What? Paradigm of the Post-Cold War World // Foreign Affairs. – November / December 1993. – Volume 72. – № 5. – PP. 186 – 194.

Хантингтон С.П. Если не цивилизации, то что? Парадигмы мира после «холодной войны».

В начале статьи автор пишет, что в течении 40 лет учёные и практики международных отношений думали и действовали, используя парадигму «холодной войны», дававшую весьма упрощённую, но в то же время очень удобную для объяснения картину мировых дел. Мир был разделён между группой относительно богатых и преимущественно демократических государств, возглавляемых США, вовлечённых во всеохватывающий идеологический, политический, экономический и временами военный конфликт с другой группой более бедных, коммунистических стран, ведомых Советским Союзом.

Однако парадигма «холодной войны» не могла объяснить всего, что происходило в мировой политике. Имелось немало «аномалий» (выражение Томаса Куна, автора «Структуры научных революций»), которые не вписывались в данную парадигму, и нередко она, как пишет С. Хантингтон, ослепляла учёных и государственных деятелей в оценке ряда крупных событий, например, таких как китайско-советский конфликт. Впрочем, до недавнего времени указанная парадигма, являясь простой моделью глобальной политики, объясняла, как считалось, наиболее важные события в мире лучше, чем все остальные, став, таким образом, необходимым отправным пунктом в размышлениях о международных делах и сформировав представления о мировой политике двух послевоенных поколений.

Драматические события прошедших пяти лет (то есть 1989 – 1993 гг. – А. С.) сделали эту парадигму, по словам С. Хантингтона, «интеллектуальной историей» (с. 187). Поэтому потребность в новой модели, которая помогла бы привести в порядок и понять смысл главных событий мировой политики, представляется очевидной.

Свою статью «Столкновение цивилизаций?» американский политолог и рассматривает как попытку наметить основные элементы этой новой – *цивилизационной* – парадигмы. Он понимает, что предложенная им парадигма не лишена слабых мест, и её критики без особого труда смогут указать на события, подобные иракскому вторжению в Кувейт, которые не укладываются в её рамки. Тем не менее, как продемонстрировал это в своё время Т. Кун, аномальные события ещё не опровергают саму парадигму. Дебаты, вызванные повсюду в мире цивилизационной парадигмой С. Хантингтона, показывают, как считает её автор, что она соответствует или близка к удовлетворительному объяснению современной действительности, которую уже невозможно понять, если исходить из прежнего деления на страны «свободного мира», государства коммунистического блока и «третьего мира». Деление стран на богатые и бедные или на демократические и недемократические может до некоторой степени помочь, но далеко не во

всём. Глобальная политика сейчас слишком сложна, чтобы втиснуть её «в два голубиных яйца».

По причинам, рассмотренными в первой статье, Хантингтон продолжает утверждать, что цивилизации являются естественными преемниками трёх миров эпохи «холодной войны». На макроуровне мировая политика, по его мнению, вероятно, будет вызывать конфликты и изменение баланса сил государств, принадлежащих к различным цивилизациям, а на микроуровне наиболее ожесточёнными, длительными и опасными (из-за возможности их эскалации) будут, скорее всего, конфликты между государствами и группами, относящимися к разным цивилизациям.

Цивилизационная парадигма, как считает Хантингтон, объясняет многие важные события международной жизни, имевшие место в последние годы, включая развал Советского Союза и Югославии; войны, идущие на их бывших территориях; подъём религиозного фундаментализма повсюду в мире; борьба внутри России, Турции и Мексики относительно их самобытности; напряжённость торговых конфликтов между США и Японией; сопротивление исламских государств западному давлению на Ирак и Ливию; усиления исламских и конфуцианских стран приобрести ядерное оружие и средства его доставки; сохранение Китая – великой державой – позиции «аутсайдера» и т. д.

В течение нескольких месяцев с тех пор, как была написана статья «Столкновение цивилизаций?», произошли следующие события, которые, с точки зрения Хантингтона, также точно соответствуют цивилизационной парадигме и могли быть предсказаны, исходя из неё:

- продолжение борьбы между хорватами, сербами и мусульманами в бывшей Югославии;
- интенсификация войны между армянами и азербайджанцами, сопровождавшаяся развёртыванием турецких и иракских войск у азербайджанской границы, что расценивается Россией как способствующее «эскалации конфликта»;
- продолжающаяся борьба в Центральной Азии между российскими войсками и партизанами-моджахедами;
- конфронтация на Венской конференции по правам человека между Западом (во главе с госсекретарем США У. Кристофером, осуждающим «культурный релятивизм»), и коалицией исламских и конфуцианских стран, отвергающих «западный универсализм»;
- голосование в МОК (проходившее почти по цивилизационному принципу), принявшее решение о проведении Олимпийских игр 2000 года в Сиднее, а не в Пекине;
- продажа Китаем ракетных компонентов Пакистану, повлекшая американские санкции против Пекина;
- нарушение Китаем моратория на проведение ядерных испытаний, несмотря на энергичные протесты США;

- объявление министром обороны США новой стратегии, предусматривающую подготовку к двум «большим региональным конфликтам» (один с Северной Кореей, другой, возможно, с Ираном и Ираком);
- новое германское законодательство, сильно ограничивающее доступ в страну беженцам;
- бомбардировка Багдада американской авиацией при фактически единодушном одобрении западных правительств и её осуждение почти всеми мусульманскими правительствами в качестве ещё одного примера политики «двойных стандартов», проводимой Западом;
- занесение американским правительством Судана в список террористических государств и обвинение шейха Омара Абдель Рахмана и его последователей в заговоре с целью «начать войну в форме городского терроризма против Соединенных Штатов» и другие (с. 188 - 189).

С. Хантингтон признаёт, что его концепция не объясняет буквально всё в мировых событиях последних лет. И соглашение 1993 г. между ООП и правительством Израиля по сектору Газы и Иерихону в определённом смысле можно считать аномалией с точки зрения цивилизационной парадигмы, что, однако, её отнюдь не дискредитирует, так как перемирия и ограниченные по значению соглашения являются во многом естественным спутником тех глубинных столкновений, что характерны для развертывающегося противоборства цивилизаций. Так, советско-американские соглашения по контролю за вооружениями всё равно были частью «холодной войны»; поэтому, несмотря на то, что конфликт между арабами и евреями может быть ограничен, он, тем не менее, продолжается до сих пор.

Межцивилизационные проблемы всё больше становятся главными вопросами международной повестки дня, заменяя разногласия между сверхдержавами. Основными среди них являются распространение вооружений (особенно оружия массового поражения и средств его доставки), права человека и иммиграция. По этим трём вопросам Запад и большинство других главных цивилизаций находятся по разные стороны баррикад. Например, страны Запада и Япония весьма чувствительно относятся к проблеме защиты прав человека; страны Латинской Америки и Африки, Индия и Россия отстаивают только некоторые из этих прав; Китай и многие другие азиатские страны, а также большинство мусульманских государств в наименьшей степени заинтересованы в их защите (с. 189). Усиление иммиграции из незападных стран вызывает растущее беспокойство как в Европе, так и в Америке. По примеру Германии и другие европейские страны ужесточают свою политику в отношении допуска иммигрантов, в то время как внутри Европейского Сообщества барьеры, препятствующие передвижениям людей, быстро исчезают. Массовый приток новых иммигрантов в США также усиливает у местного населения настроения в пользу введения дополнительных ограничительных мер, хотя большинство

проведённых исследований показывают, что иммигранты вносят явно позитивный вклад в американскую экономику. Поэтому С. Хантингтон особо рассматривает проявления столкновения цивилизаций внутри США.

Соединенные Штаты становятся в этническом и расовом отношении всё более разнородным обществом. По оценкам управления, проводящего переписи населения, к 2050 году 23% населения этой страны будет испаноязычным, 16% - негритянским и 10% - азиатско-американского происхождения (с. 190). В прошлом США успешно абсорбировали миллионы иммигрантов из многих стран, которые приспосабливались к господствующей европейской культуре и с энтузиазмом принимали американский символ веры в свободу, равенство, индивидуализм, демократию. Будет ли это иметь продолжение, когда 50% населения станет испаноязычным или небелым? Будут ли новые иммигранты ассимилированы в доминирующую до настоящего времени европейскую культуру Соединенных Штатов? А если нет, и США действительно станут многокультурным государством, охваченным внутренним конфликтом цивилизаций, выживет ли оно как либеральная демократия? Будет ли девестернизация США, если она случится, также означать их деамериканизацию?

Если это произойдёт, и американцы перестанут придерживаться своих принципов либеральной демократии, то есть политической идеологии, имеющей европейские корни, то Соединённые Штаты, какими мы знали их, перестанут существовать и последуют за другой сверхдержавой, имевшей чётко означенную идеологию, на свалку истории (с. 190).

Далее С. Хантингтон пишет, что в откликах на его первую статью не предлагаются альтернативные концепции и парадигмы, лучше объясняющие современную картину мира. То, что в них содержится, он называет нереальными альтернативами или «псевдоальтернативами». Первая из них сводится к утверждению, что разрушение советского коммунизма означает конец истории и всеобщую победу либеральной демократии во всём мире (точка зрения американского политолога Фр.Фукуямы – А.С.). Подобное утверждение, с его точки зрения, грешит одной существенной ошибкой, которая состоит в предположении, явно навеянном временами «холодной войны», что единственной альтернативой коммунизму является либеральная демократия и что кончина первого предопределяет универсальность второй. С. Хантингтон с этим не согласен, указывая на существование многих форм авторитаризма, национализма, корпоративизма и рыночного коммунизма (например, в Китае), которые существуют и даже благоденствуют в сегодняшнем мире (с. 191).

Очень важно также, что в идеологической сфере существуют различные религиозные альтернативы. В современном мире религия является главной силой, которая возбуждает и мобилизует людей. Самонадеянно думать, полагает автор, что вследствие краха советского коммунизма Запад подчинил себе мир на все времена.

Вообще, Хантингтон скептически относится к концепциям своих оппонентов о существовании сейчас или о возникновении в ближайшем будущем единой, универсальной культуры или цивилизации.

Некоторые из них считают, что увеличивающееся взаимодействие между странами вследствие всё большего развития коммуникационных систем и транспортных средств создает общую культуру. При определённых обстоятельствах это может быть и так, но, замечает Хантингтон, войны случаются наиболее часто между обществами и странами с высоким уровнем взаимодействия, а само взаимодействие нередко как раз усиливает их самоидентификацию и вызывает сопротивление, реакцию и конфронтацию (с. 192).

Другие предполагают, что общая культура (цивилизация) возникает в результате нивелирующего воздействия на разные страны процессов модернизации и экономического развития. Хантингтон признаёт, что современные урбанизированные, образованные, богатые, индустриально развитые общества, каковыми являются страны Запада, обладают общими культурно-цивилизационными особенностями, которые отличают их от отсталых, сельских, бедных, неразвитых обществ. Но, полемизируя со сторонниками данной точки зрения, он подчеркивает, что модернизация не тождественна вестернизации (с. 192). Япония, Сингапур и Саудовская Аравия – современные, процветающие общества, но, что, вполне очевидно, не являются такими, которые могут быть причислены к западному обществу. Предположение людей западного мира, что другие народы в процессе модернизации должны стать «как мы», – это проявление западного высокомерия, что само по себе уже иллюстрирует столкновение цивилизаций. Доказывать, что словенцы и сербы, арабы и евреи, индусы и мусульмане, русские и таджики, тамилы и сингалы, тибетцы и китайцы, японцы и американцы принадлежат к единой, скроенной по западному образцу всемирной цивилизации – значит не считаться с реальностью.

Универсальная цивилизация может быть продуктом, точнее результатом усилий такой же универсальной державы. Рим создал почти всемирную цивилизацию в масштабах древнего мира. Западное влияние – в форме европейского колониализма в XIX в. и американской гегемонии в XX в. – распространило западную культуру на большую часть современного мира. Однако период колониализма западных стран закончился, американская гегемония идёт на убыль. Разрушение западной культуры закономерно, так как местные, исторически укоренившиеся нравы, языки, верования и обычаи вновь заявляют о себе (с. 192). За отступлением западной культуры последует и упадок западного влияния. Быстро увеличивающаяся экономическая мощь восточноазиатских государств будет, по утверждению заместителя министра иностранных дел Сингапура Кишора Махбубани, способствовать возрастанию их военной силы, политического влияния и культурного самоутверждения (с. 193).

Язык, конечно, является главным элементом культуры, и сторонники парадигмы единого мира ссылаются на широко распространённое

использование английского языка как свидетельство универсальности западной культуры. Однако, задается вопросом Хантингтон, увеличивается или сокращается использование английского языка относительно других языков? Даже в Гонконге английский язык последнее время всё больше вытесняется китайским. Подобные явления наблюдаются и в других местах. Сербы теперь называют свой язык сербским, а не сербскохорватским, и пишут кириллицей как их русские собратья, а не используют западный алфавит своих католических врагов. В это же время Азербайджан, Туркменистан и Узбекистан переходят с кириллического письма своих бывших русских хозяев на западное письмо своих турецких сородичей. На языковом фронте, заключает Хантингтон, «вавилонизация» (вавилонское смешение языков) торжествует над универсализацией и более того свидетельствует о росте цивилизационной самоидентификации (с. 194).

Делая вывод, Хантингтон считает, что критики цивилизационной парадигмы не представили лучшего объяснения тому, что происходит сейчас в мире. Напротив, она задевает легко резонирующую струну везде в мире. В Азии, как сообщил один американский посол, она «распространяется со сверхъестественной быстротой». То же наблюдается и в Европе. Президент Европейского Сообщества Жак Делор также полагает, что «будущие конфликты будут вспыхивать скорее вследствие культурных факторов, чем из-за экономики или идеологии», предупреждая, что «Запад нуждается в разработке более глубокого понимания религиозных и философских основ других цивилизаций ... чтобы установить, что мы имеем с ними общего» (с. 194). В свою очередь, мусульмане рассматривают «столкновение» как нечто, обеспечивающее их признание и, в известной степени, узаконение их «особости», то есть существования своей собственной цивилизации и её независимости от Запада.

Поэтому, подытоживает С. Хантингтон, полемизируя с известной концепцией Фр. Фукуямы, История не закончилась, и мир не является единым. Цивилизации объединяют и разделяют человечество. Силы, вызывающие конфликты между цивилизациями, могут быть укрощены, только если будут признаны. Вера и семья, кровное происхождение и убеждение – это то, с чем люди отождествляют себя и за что борются и умирают. Вот почему столкновение цивилизаций заменяет «холодную войну» в качестве главного феномена глобальной политики, а цивилизационная парадигма обеспечивает лучше, чем какая-либо иная, необходимую отправную точку, чтобы осознать и совладать с изменениями, происходящими в мире.

Надійшла до редколегії 27.05.2007